

СШИТОЕ ЛИЦО

АНДРЕЙ ПТИЦЫН

16+

Андрей Птицын

Сшитое лицо

«Автор»

2017

Птицын А.

Сшитое лицо / А. Птицын — «Автор», 2017

Отважный молодой охотник и прекрасная девушка живут, не зная друг о друге и предстоящих им испытаниях. В бескрайней тайге весна сменяет зиму, затем приходит лето, у добрых людей всегда полно забот и хлопот, а злые проникают в их мирную жизнь тайком, обманывая, притворяясь и лелея ужасные замыслы. В глуши скрывается племя, безжалостные воины которого охотятся не на лесную дичь, а на людей, и юным героям придётся пережить настоящий кошмар, чтобы отстоять свою жизнь, свободу и зародившуюся в их сердцах любовь...

© Птицын А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 3. Кожаная маска	13
Глава 4. В поисках земли	18
Глава 5. Мертвец в воде	20
Глава 6. Хонгу	22
Глава 7. Эчинэй	23
Глава 8. Бэркэ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Птицын

Сшитое лицо

Сшитое лицо

Литературная повесть

Глава

1.

Долгожданная

добыча

На опушке леса, чутко прядая ушами и время от времени поднимая украшенную великолепными рогами голову, кормился дикий олень. Стояла полуденная тишина: только птички, перелетая с ветки на ветку, изредка оглашали лес веселым пением, и легкий ветерок временами шелестел в верхушках деревьев. Молодой рогач не заметил, что к нему с подветренной стороны, прикрываясь кустами и деревьями, крадутся три молодых охотника. Руки каждого из них крепко держат меткий лук, и для первого выстрела уже выбраны самые прямые и острые стрелы...

Два брата, Толбочоон и Бузагу, как всегда, соперничая, начали жестами спорить, кто из них достоин пустить стрелу. Их безмолвная пантомима, перешедшая в тихие удары и тычки, достигла слуха третьего охотника, их старшего товарища – Бэркэ. Сам он невелик, но запястья большие, руки тоже. Крепкие плечи. Медленно присев на корточки, не делая резких движений, он обернулся на ступающих за ним друзей. Болваны! И тут не могут прийти к согласию. А ведь они который день уже не видели дичи. Упустить такой момент нельзя! Он, еле сдерживая возмущение, соорил сердитую мину и, выпучив глаза, погрозил им кулаком. Стрелять самому? Обидятся оба брата. Он им обещал возможность показать себя на охоте. Но если промахнутся? Нет, придётся уступить и рискнуть... Кому же из них доверить право выстрела? Строго оглядев притихших братьев, Бэркэ указал пальцем на Толбочоона. Обиженный Бузагу, поджав губы, опустил руки и шумно засопел: он ведь на целый год старше брата. Обрадованный Толбочоон, пряча довольную улыбку, закусил зубами две свои чёрные как смоль косы и начал осторожно скрадывать чуткого зверя. Бэркэ украдкой покосился на недовольного Бузагу. Если он ошибся в выборе, и Толбочоон промахнется, старший из братьев будет дуться на него всю обратную дорогу. Они и так сильно отделились от своих угодий в поисках дичи – не хватало ещё поссориться... Какие они непохожие... словно от разных матерей, – в который раз подивился про себя Бэркэ. – Не схожи ни видом, ни характером. Один не любит рыбу, второй мясо... Он подружился с братьями несколько лет назад во время поколки – сезонной осенней охоты на кочующих оленей на переправах рек. С тех пор они неразлучны.

Лето выдалось сухим, и вся живность как сквозь землю провалилась. Обследовав свои оказавшиеся пустыми угодья, он, Бэркэ, поддался на уговоры братьев и согласился перейти западное урочище, служившее границей территории, на которую они никогда не заходили. Великая чёрная тайга кажется нескончаемой и бескрайней, но и она поделена многочисленными живущими здесь племенами... Впрочем, трёх охотников продолжали преследовать неудачи: проплутав несколько дней по лесу, они не встретили ни единого зверя. Оказавшись у незнакомой горной речки и переночевав на её берегу, они несолоно хлебавши отправились в обратный путь. Казалось, удача отвернулась, а дух охоты Баянча разгневался на них за какие-то былые прегрешения... И тут друзья неожиданно наткнулись на мирно пасущегося одинокого оленя-дикаря. Первым его заметил Толбочоон, с удивлением обнаруживший, что рогач один, без стада. Однако разглядев животное и поняв, что олень прихрамывает на заднюю ногу, охотники догадались, что он ранен. Возможно, волками – серые охотники иногда несильно кусают свою жертву за конечности, что бы она не в состоянии была далеко уйти, а они затем,

когда придёт время, могли найти ее, не прилагая чрезмерных усилий. Поэтому он и отстал от своих рогатых сородичей. Сердца охотников забились сильнее, впервые за время безуспешных поисков всех троих охватил настоящий азарт.

Бэркэ и Бузагу, прячась за деревьями, осторожно начали обходить дичь с разных сторон, отрезая оленю путь к бегству – на случай, если лучник промахнется. Худощавый и быстрый в движениях Толбочоон, ловко передвигаясь среди деревьев, используя их как укрытие – где горностаем на четвереньках, где ползком, змеей – преодолел нужную дистанцию. Медленно натянув тетиву, он осторожно приподнялся над кустом. Зверь был на месте и, не подозревая об опасности, спокойно кормился. Молодой стрелок прищурился и прицелился. Биение сердца гулким эхом отдавалось в ушах Толбочоона, капля пота сползла по его щеке, и всё его внимание сосредоточилось на зазубренном наконечнике костяной стрелы. Медленно выдохнув, он выпустил стрелу. В тишине леса звонко шелкнула защищающая запястье костяная пластина. Услышав незнакомый звук, испуганный олень быстро поднял голову, наострив уши. Через мгновение стрела, пронзившая сердце, заставила его, прогнув спину, высоко подпрыгнуть, и, едва удержавшись на ногах, он бросился прочь. – Промазал! – мелькнула паническая мысль в головах всех трех охотников. Но животное, сделав несколько отчаянных скачков, замедлило бег и, зашатавшись на ставшими непослушными ногах, неуклюже завалилось на бок. Олень попытался подняться, но вновь упал, в агонии суча копытами в воздухе. Охотники с разных сторон ринулись к качающимся кустам. Раздался ликующий вопль Толбочоона: он поцеловал свой лук на бегу. Спустя несколько минут голова оленя уже лежала на мху с веточкой зелени во рту, – дань традициям предков. Бэркэ побрызгал кровью оленя по сторонам. Трое друзей весело и быстро разделявали острыми ножами свежедобытый трофей. Руки их двигались уверенно, не совершая лишних движений

– Как я его?! Прямо в сердце! Это был мой лучший выстрел! Не зря, не зря, Бэркэ, ты выбрал меня. Со мной, парни, вы голодными не останетесь. Доверьтесь мне, и Толбочоон не подведет вас! – хвастался возбужденный Толбочоон.

– Лучший выстрел! Да с такого расстояния и ребёнок бы попал! – сказал Бузагу, менее рослый и более коренастый и жилистый, чем Толбочоон. Братья, как и всегда, были не прочь поддеть и подзадорить друг друга, и между ними началась очередная перепалка.

– Ребёнок?! Вот кто бы не попал, так это ты, братец, уж это я точно знаю. Да с твоими кривыми стрелами, Бузагу, ты и в небо не попадёшь, если выстрелишь! У старухи Гарпанай ноги ровнее, чем твои стрелы!

– Стрелы мои в порядке, – обоснованно выдал невозмутимый Бузагу, разделявая печень оленя. – А вот как ты рогача разглядел и попал в него, я удивляюсь... Старуха Гарпанай и то видит лучше тебя, брат. Тебе просто повезло, слепоглазая лягушка.

Отрезав кусок печени, Бузагу с наслаждением прожевал его, зажмурившись от удовольствия.

– Лягушка, говоришь?! Ах, ты, неблагодарный! Да я вижу, что тебе просто завидно! Ну ничего, когда-нибудь мы с Бэркэ разрешим выстрелить и тебе, неумеха. Только смотри, не попади сам в себя, а то какой-никакой, а все же ты мне братец. Верно, Бэркэ? Над кем мы будем подтрунивать, если ты застрелишься? Не сердись, мой глупый старший брат. Дай-ка я тебя развеселю...

Толбочоон, дотянувшись до брата, окровавленным пальцами быстро нарисовал на его щеках улыбку. Бузагу, перехватив его руку, в ответ тоже измазал лицо брата кровью. Братья, хохоча, бросив разделку оленя, начали бороться. Бэркэ, очнувшись от своих дум, нехотя погрозил им.

– Эй, вы, олени, перестаньте! Надо торопиться! Нам ещё до дома добираться: забрели в такую глушь, не выберешься... Вы слышите? Я кому говорю?!

Братья, не слушая старшего товарища, продолжали пытаясь бороться. Затем Толбочоон, вырвавшись из рук Бузагу, пританцовывая и раскинув руки как крылья, оббежал вокруг нахмурившегося Бэркэ и огляделся. Ловко вскочил на ствол упавшего дерева и громко крикнул:

– Ээгэ-гээй! Я – Толбочоон, великий охотник! Я добыл оле-еня! Ле-еня! Е-еня! Ня... Ня...

Эхо подхватило его крик, который, повторяясь, разнесся по ближайшим сопкам. Бэркэ, вскочив, рывком стащил парня вниз на землю. Толбочоон неловко упал и удивленно вытаращился на стоящего над ним старшего товарища, лицо которого выражало тревогу.

– Перестань! Чего ты орешь, дурак? – гневно произнёс Бэркэ.

Толбочоон, потирая ушибленное при падении плечо, обиженно сказал:

– Ты чего? Покричать нельзя? Мы неделю не могли добыть дичь... Нельзя порадоваться?

Бэркэ, смутившись, отступил назад, понимая, что немного переборщил, но тревога, поселившаяся в душе с тех пор, как они ступили на чужую землю, не отпускала его.

– Мы отделились от наших лесов на несколько дней пути. Эта не наша земля. Ты же знаешь, нельзя кричать в лесу. Тем более в чужом!

– Но мы ведь никого не видели... Здесь нет никого. Почему мы должны бояться? – возразил Толбочоон.

– Надо поскорей убираться из этих мест! – не желая спорить, обрубил Бэркэ. – Хватит баловаться, принимайтесь за дело! – уже спокойней добавил он и продолжил разделывать мясо.

– Ну извини, старший брат. Я не сдержался от радости... Сколько дней мы не могли добыть мясо... – виновато произнёс Толбочоон, присоединяясь к ним.

– Дух охоты, щедрый Баянча, сделал нам достойный подарок... – согласился с ним Бузагу, успокаивая Бэркэ. – Что тебя тревожит, Бэркэ? Ты сам не свой эти дни.

Бэркэ хмуро оглядел окружающий их лес и на свои руки. Стряхнув с них кровь, нехотя произнёс:

– Надо уходить отсюда. Когда-то отец запретил мне приближаться к этой речке и вообще к этим местам.

Толбочоон шмыгнув носом и заинтересованно придвинулся к Бэркэ.

– А что он говорил тебе про эти места? Что в них такого?

– Не помню, – ответил Бэркэ, стараясь скрыть свое беспокойство. – Просто запрещал. Всё, давайте поторопимся! Не сидите сложа руки, – раздраженно бросил он друзьям, – скоро стемнеет.

Братья торопливо разделывали оленя и вскоре, позабыв о разговоре, опять начали весело подтрунивать друг над другом. Бузагу, схватив ногу оленя, постукивал остриём ножа по суставу, принялся выковыривать "чонку" – излюбленное лакомство охотников.

Вскоре, погрузив мясо на самодельные поняги, сделанные из корней березы, маленький отряд отправился в обратный путь. Вечернее солнце озаряло верхушки деревьев красным светом. Растянувшись цепочкой, друзья, спины которых согнулись под тяжелым грузом, один за другим скрылись в чаще.

Полная луна, время от времени прячась за небольшими тучками, освещала небольшую поляну, посередине которой горел яркий костёр. Весело трещали сучья, всполохи огня освещали довольные лица трёх охотников, жарящих и сразу поедающих приготовленное мясо. Оживленный разговор был в самом разгаре, неугомонный Толбочоон, как всегда, наседал на своего брата, пытаясь вывести его на спор. Бэркэ, задумавшись, отрешённо смотрел на пляшущие огоньки костра: его дневная тревога немного улеглась, но одна мысль не давала ему обрести покой. Он понимал, что почувствует себя в полной безопасности, только добравшись до родных земель. Ведь он старший в их группе и несёт ответственность за жизнь своих друзей. Хоть они с ним были из разных племен, дружба связала их крепче кровных уз. Но все же, что же тревожит его? Не зря отец запрещал ему охотиться в этих местах. Но с чем же был связан

запрет? Бэркэ копался в памяти, но не мог вспомнить: отец умер, когда он был ещё совсем мальчишкой. Ничего, ещё один переход, и они покинут эти земли... После сытного ужина его стало клонить в сон, он почувствовал, как устал. Толбочоон, разгоряченный спором, толкнул его в плечо.

– Вот ты, старший брат, когда ты думаешь жениться, обзавестись семьей? Вот он, – Толбочоон указал на Бузагу, – не прожив и года со своей Илик, уже жалуется на семейную жизнь! Но сам же заставляет меня жениться!

– Дурак ты, – невозмутимо парировал Бузагу, сыто рыгнув и завалившись на спину, – всё не так понимаешь: вовсе я не плачусь... Хотя, по правде сказать, уж очень несносный характер оказался у моей Илик. Вечно она недовольна, всего ей мало. Теперь я понимаю, почему ее родичи так быстро избавились от неё, когда я пришёл к ним свататься. Отдали даже без подарков, – и Бузагу тяжело вздохнул.

По-брачному договору-тори, так как Бузагу был беден и не мог задобрить будущую родню оленями, он договорился, что, в обмен на невесту, будет некоторое время работать на ее семью.

– Плачешься! – упрямо насел на него Толбочоон. – Только что говорил, что зря женился, бегал бы сейчас, как свободный олень! Хорошо, что эта Илик не прицепилась к тебе, Бэркэ. Я видел, как она на тебя смотрела. Этим женщинам только дай повод, враз охомушают!

Бэркэ, смутившись, вспомнил, как Илик проявляла интерес к нему, а не на заглядывавшегося на нее Бузагу. Тогда, не желая ссориться с мучимым ревностью другом, он отошёл в сторону. К взглядам Илик он был равнодушен, да и не собирался пока связывать себя узами брака.

– Не-ет... – продолжил Толбочоон. – Мы с Бэркэ будем вольными хосуунами-удальцами. Зачем нам эти бабские оковы? Будем гулять, где хотим и как хотим! А ты, братец... – Толбочоон, скорчив сострадательную мину, участливо приобнял Бузагу, тяжело вздохнув, похлопал его по плечу. – Мне жаль тебя, но что поделаешь, если у тебя такие мозги. Придётся терпеть и бегать по указке жены. Такова твоя судьба... Правильно я говорю, Бэркэ?

Бузагу оттолкнул парня, и тот опрокинулся на землю. Тут же вскочив, Толбочоон подсел к задумавшемуся Бэркэ, обнял его за плечи.

– Выбирайте жён из другого племени, друзья – сказал Бузагу, не обращая внимания на брата.

– Да! Верно сказал брат! Надо выкрасть жену у тонг-биисов или туматов! – воодушевился Толбочоон.

– Выкрасть! Ишь, орел! Выкрасть – это тебе не в оленя выстрелить! Да и украдешь, допустим, ты невесту... Но какой она окажется? Это ты, брат, узнаешь только, тогда когда женишься. Но будет уже поздно! Ха-ха! До замужества они все хорошие, а потом их как будто кто-то подменяет, – развеселился Бузагу.

– Бузагу, — Толбочоон вновь подсел к брату с серьезной миной, – меня тревожит одна мысль: не вздумай раньше времени отдать концы! Иначе мне по закону придётся жениться на твоей Илик, и моя свободная жизнь закончится! Думай иногда обо мне своей пустой головой, прежде чем рисковать... Ха-ха!

– Дурень! – вновь мягко оттолкнул брата Бузагу. Не обращая внимания на его выпады, привстал на локте и вопросительно посмотрел на старшего товарища.

– И вправду, Бэркэ, когда ты обзаведёшься семьей, ведь ты старше нас?

– Бэркэ, наверное, ищет писаную красавицу... – откликнулся Толбочоон. – Должно быть, ему интересны девушки из дальних родов. Зачем ему наши замухрышки?

– Отстаньте, вот нашли тему для разговоров, – устало отозвался Бэркэ. – Пора спать, умники... Завтра рано вставать.

– Бэркэ, брат, ты слишком скромн, а время идёт, – серьезно сказал Бузагу.

– Успеется ещё, – тихо буркнул Бэркэ.

В наступившей тишине слышно было лишь как трещат в костре сучья. Тучи окончательно закрыли звезды. В темноте леса вскрикнула сова. Бузагу, кряхтя, поднялся на ноги и, посмотрев на черное небо, подкинул в костёр сучьев. Сев на землю, подогнул ноги и закрыл глаза от жара костра.

– Эй, что вы загрузили, хосууны-удальцы! Бэркэ, брат! Мы возвращаемся с добычей! Сегодня был удачный день! Как я выстрелил?! – вновь затараторил Толбочоон. – Не грусти, я сам найду тебе невесту! В следующем году на праздновании Эвин я присмотрю тебе жену. Или украду! Самую раскрасавицу! А-а... Я понял! Нашему удальцу Бэркэ нужна невеста из племени саха! Вот с такими формами! Вот с такой грудью! Толбочоон вскочил и, кривляясь, изобразил женскую походку. Бэркэ невольно улыбнулся, а Бузагу неодобрительно покачал головой.

– Дурачок, – вздохнул Бузагу, закатывая глаза. Посмотрел на Бэркэ. – Что с таким делать? Не бросить же... Брат все-таки...

– Хм... – вдруг нахмурился Бэркэ, вспомнив обиженное лицо Толбочоона, когда он днём толкнул его. Встряхнув головой, будто отгоняя невеселые мысли, Бэркэ, решив загладить вину, поднялся на ноги. Покопавшись в складках своей парки, он повернулся к Толбочоону.

– Брат, хорош кривляться, ну-ка прими от меня лучше небольшой подарок. Держи, это амулет из кости мамонта.

– О, брат, спасибо! – обрадовался неожиданному подарку Толбочоон.

– Здесь изображен медведь, пусть он хранит тебя от невзгод и помогает твоему меткому глазу в охоте! Действительно, сегодня ты сделал отличный выстрел, братишка. И не сердись на меня.

– О! Спасибо, старший брат. Благодарю тебя! Я вовсе не сержусь! – обнял товарища Толбочоон, разглядывая подарок.

– Хороший выстрел. Мы возвращаемся с добычей! – Бузагу, поднявшись, присоединился к ним.

– Мы – великие охотники из рода Иджиган! – воскликнул Толбочоон.

И все трое, обнявшись и обратив свой взор в ночное небо, испустили негромкий клич удачливого охотника.

Глава

2. В ущелье

Бэркэ, проснувшись первым в темноте, разжег огонь. Узкая красная полоска зари на горизонте постепенно светлела. Разбуженный потрескиванием костра, зевая и потягиваясь, рядом заворочался Толбочоон. Посидев с осоловелым видом некоторое время в молчании, он оглянувшись, наткнулся взглядом на похрапывающего рядом старшего брата. Его лицо оживилось, приняв хитрое выражение. Дотянувшись до растущего рядом куста, он набрал в ладонь пригоршню недоспелой брусники. Первая ягода упала в приоткрытый рот спящего, но Бузагу продолжал безмятежно похрапывать. Толбочоон хихикнул, и ягоды одна за другой последовали за первой. Бэркэ, сидя у костра и наблюдая за младшим из братьев, недовольно покачал головой. Наконец Бузагу, поперхнувшись во сне, закашлялся и, проснувшись, сел. Спросонья, не сразу поняв шутку Толбочоона, он некоторое мгновение сидел, сплевывая ягоды. Толбочоон, не удержавшись, прыснул и, отскочив, едва увернулся от брошенной в него братом узловатой палки. Бузагу, сидя на земле и кашляя, огляделся вокруг, ища взглядом, чем ещё можно запустить в наглеца. Бэркэ не сдержал улыбки

– На, вот эту... – он подкинул Бузагу ещё ветку. Она так же пролетела мимо верткого Толбочоона.

– Ну все, все... Не сердись! – примирительно затараторил тот, безуспешно пытаясь спрятать улыбку и принять серьезный вид. Вскоре, поживаясь от утренней прохлады, они приступили к завтраку.

—Только голову положил и глаза закрыл – а уже утро...– жуя вяленое мясо, недовольно протянул Толбочоон. Ему никто не ответил.

К полудню трое друзей вышли к небольшой горной речке. Стоя на вершине сопки, густо поросшей сосняком, Бэркэ по местности определил, что они немного отклонились влево: блуждая здесь в поисках дичи два дня назад, они проходили севернее этого места.

Толбочоон был вдохновлен удачной охотой и преисполнен решимости:

– Давайте сократим обратную дорогу, пойдём вдоль речки. Так быстрее доберемся до дома, – предложил он, оглянувшись на Бэркэ – И заодно узнаем эти места получше.

Бузагу, который больше всех устал нести тяжелую понягу, понравилась идея, и они вдвоем с младшим братом начали уговаривать старшего товарища срезать путь. Бэркэ в нерешительности задумался. Надо было возвращаться по тому пути, каким они пришли сюда. Неизвестно, как течёт эта река, начнёт петлять – можно потерять больше времени. Но братья принялись доказывать, что так они намного сократят обратный путь. Бэркэ и самому хотелось поскорее покинуть это место – предостережение отца засело в голове тревожной занозой. В конце концов, нетерпеливый Толбочоон, прервав раздумья Бэркэ, начал спускаться с сопки вниз к речке. Бузагу поправил понягу, приглашающе кивнул Бэркэ и пошел вслед за братом. Бэркэ, хмурясь, неодобрительно покачал головой, и, вздохнув, двинулся вниз за братьями.

Спустившись зигзагом с сопки и почти достигнув берега речки, Бэркэ вдруг резко остановился и обернулся. Неприятный холодок, пробежавший по спине, заставил его непроизвольно схватиться за висящий на поясе топорик. Он внимательно всматривался в вершину сопки, покрытую молодыми деревцами, где они только что стояли и обсуждали маршрут. Ничего не изменилось, всё так же светило солнце, а порывы несильного ветерка раскачивали ветки деревьев. Но что-то заставило его остановиться и обернуться: может, какой-то звук или вдруг наступившая тишина, переставшие петь птицы... Бэркэ вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Ему стало неуютно и захотелось быстрее покинуть это место. Тревога, поселившаяся в нем со вчерашнего дня, обострилась до предела. Он стоял на месте, устремив взгляд на вершину сопки, пока до него не дотронулся вернувшийся за ним Бузагу.

– Брат, что с тобой? – тихо спросил он.

– Ничего... Пойдём, – отрешённо, словно очнувшись, ответил Бэркэ и начал быстро спускаться с сопки.

Озадаченный Бузагу посмотрел наверх, поправил понягу и поспешил за товарищем. Вскоре все они скрылись в зарослях кустарника, разросшегося вдоль берега речки. На вершине покинутой ими сопки некоторое время ничего не происходило, а затем вдруг неясная тень, качнув ветку, скрылась в густой листве.

Пройдя некоторое расстояние вдоль берега, Бэркэ вскоре увидел упавшую поперёк речки большую лиственницу и командовал друзьям перебраться по ней на противоположный берег. Балансируя, троица осторожно перешла речку по стволу дерева и продолжила путь вниз по течению. Бэркэ, перебравшись последним, осмотрел упавший ствол, подумывая спихнуть его в воду, но оставил эту затею: лиственница была массивной, и часть её корней все ещё крепко держалась за землю. Оглянувшись в очередной раз на пройденный путь, Бэркэ попросил друзей ускорить ход. Через некоторое время скалы, густо поросшие сосняком по краям реки, начали возвышаться над ними, превращаясь впереди в узкий и изогнутый, как коровий рог, распадок. Течение речки сделалось более быстрым, вода бурлила и местами образовывала водовороты.

«Вход в нижний мир...» – всматриваясь в очередную воронку, Бэркэ вспомнил мрачное поверье о том, что водоворот – это место, откуда демоны нижнего мира выходят на поверхность, чтобы по велению Харги, духа-хозяина нижнего мира, творить свои чёрные дела в верхнем мире людей. Ему снова стало неуютно, захотелось поскорее покинуть это мрачное место. Лучи вечернего солнца не проникали сюда, вокруг было сумрачно и прохладно. Вдоль речки,

над их головами, с равномерным свистом разрывая тишину, пролетел ворон. Троица в молчании проводила его взглядом.

– Плохое место... – оглядывая верушки скал, тихо сказал Бэркэ поравнявшемуся с ним Бузагу. – Выглядит как ловушка... Зря мы сюда пошли, – он поежился и, остановившись, посмотрел назад.

«Может, пока не поздно, пойти обратно? – подумалось ему. – Вдруг русло повернёт не в ту сторону. Эх, зря я послушался, надо было идти так, как пришли...» Бэркэ чувствовал нарастающую тревогу, причин которой не понимал. Он пытался понять, что именно ему показалось там, наверху. Зря Толбочоон раскричался, Черный лес населяет множество воинственных племён. Свирепые, жаждущие крови туматы, воинственные тонг-биисы. Да мало ли других, не менее враждебно настроенных? Они не на своей территории... Чужие разведчики могли слышать их крик.

Бэркэ, шедший замыкающим, подгонял уставших друзей. Время от времени он останавливался и смотрел назад и вверх, на окружающие их скалы. У него то появлялось неприятное ощущение – как от чужого взгляда, то вдалеке, меж деревьев, чудилось шевеление, которое, стоило посмотреть туда, бесследно исчезало. И через некоторое время скалы и деревья вновь казались безопасными, безлюдными. Он сослался на бессонную ночь и, склонившись над рекой, умыл лицо прохладной водой. До захода солнца надо выбраться отсюда и найти место для ночлега. Ущелье виляло зигзагом, речка местами образовывала небольшие заводи, в которых металась испуганная рыба. Толбочоон, не снимая поняги, попытался поймать несколько рыбин, но безуспешно. К вечеру ветер улегся, и здесь, внизу, стало тихо: слышалось только журчание воды и стук камней, катившихся из-под ног. Вдруг где-то наверху обеспокоенно зашумели сойки. Их стрекотанье неожиданно нарушило тишину леса и затем так же быстро стихло. «Что-то вспугнуло их...» – подумал Бэркэ, остановившись и внимательно оглядывая густо поросшие ельником скалы. И вдруг отчетливо вспомнил слова отца: «Не ходи в те места, сын. Там пропадают люди!». Бэркэ вздрогнул и ускорил ход. Какое-то темное чувство прошло сквозь него, как ветерок, и его тревога еще усилилась. Идя быстрым шагом и поправляя впившиеся в плечи ремни тяжелой поняги, он непроизвольно передвинул лук ближе к боку. Идущий впереди Толбочоон неожиданно остановился. Подпрыгнув, поправил сползшую понягу. Оглянувшись на друзей и заинтересованно склонился над чем-то, лежащим в воде.

– Смотрите! – воскликнул он и присел.

Троица охотников склонилась над крупным черным валуном и разглядела лежащий в воде меж двух камней небольшой костяной топорик. На пожелтевшей кости из нижней челюсти лося был искусно изображен летящий ворон. Распухшее древко украшала причудливая резьба, и без того короткое топориче оказалось сломано, но было видно, что клювообразная режущая часть все ещё остра. Толбочоон, засучив рукав, потянулся было за топором, но замер, услышав возглас Бэркэ.

– Не трогай! – властно сказал он Толбочоону. – Или не знаешь: «чужого не бери»? Мало ли что на нём...

– Но он ещё может послужить, – начал возражать Толбочоон.

– Нет! Не трогай! – прервал его Бэркэ, глядя наверх.

– Ладно, – обиженно согласился Толбочоон и выпрямился. Тяжело вздохнув, повернулся и пошёл вперёд.

Бэркэ оглядел ближайшие скалы и пошёл вслед за братьями. Нагнав Толбочоона, он примирительно сказал:

– У него может быть плохая аура... Ты же знаешь, мало ли кому он принадлежал? Беду ещё принесёт.

– Да, знаю, – тихо согласился Толбочоон.

Они прошли еще немного, и неожиданно сзади, с противоположной стороны ручья, у самого берега, где деревья росли особенно густо, раздался треск сучьев. Бэркэ, в испуге развернувшись, схватил лук и, вложив стрелу, приготовился стрелять. Братья, посмотрев на старшего товарища, схватились за ножи и топоры. Шум то исчезал, то приближался, затем качнулись ветки и через секунду на открытое место выскочил грациозный зверь.

– Рысь! – определил Бэркэ. – Стой! – крикнул он охнувшему от удивления Толбочоону, который выхватил лук и натянул стрелу...

Дзынь! Стрела пролетела мимо. Серый в пятнах зверь, увидев охотников, нелепо затормозил всеми четырьмя лапами, на секунду замер, а затем скачками бросился вверх по склону. Легко перебирая мощными лапами, в несколько прыжков он достиг вершины скалы и скрылся между деревьями. Восхищенные братья начали обсуждать увиденное: рыси издавна ценились за отличный мех и почитались как великие охотники, но их редко удавалось увидеть. Толбочоон и Бузагу с досадой начали обсуждать, какую ценную шкуру они упустили. Простояв какое-то время в задумчивости, Бэркэ приказал братьям говорить тише и продолжать путь.

Трое охотников быстрым шагом двигались по дну ущелья. Глядя на хмурое лицо Бэркэ и нависшие над ними темные скалы, братья тоже ощутили неясную тревогу и в молчании продвигались вдоль реки. Бузагу, осматриваясь по сторонам, поравнявшись с быстро идущим Бэркэ, вопросительно посмотрел на него.

– Её кто-то вспугнул... Не мы... – тихо сказал Бэркэ и, подумав, добавил: – Кто-то идёт по нашему следу...

Вскоре, выйдя из очередного поворота, молодые охотники услышали усилившийся шум воды и, пройдя несколько метров, увидели, как их тихая речка соединилась с более шумной горной рекой с сильным течением. В верховьях прошли дожди, и мутная зеленоватая вода несла кучи веток и листья. Бэркэ с огорчением увидел, что скалы все также возвышаются над речкой сплошной отвесной стеной. Он поравнялся с Толбочооном. Тронул за плечо, и перекрывая шум воды, сказал ему:

– Как только увидишь впереди выход наверх, скажи мне. Поднимемся. Надо убираться отсюда.

—Хорошо, брат, – участливо откликнулся Толбочоон, которому тоже стало неудобно среди скал.

За очередным поворотом ущелье неожиданно расширилось: внизу, вдоль речки, по обе стороны тянулись густые заросли кустарника и редких деревьев, неведомо как удерживающихся корнями за склоны. Скалы то нависали над тропой, то расходились. Братья прошли ещё несколько метров и шагающий впереди Толбочоон заметил среди скал небольшой распадок с растущими на склонах деревьями. Подъема был крут, но, держась за деревья и кусты, здесь можно было пройти наверх. Толбочоон побежал вперёд, чтобы удостовериться, что это действительно возможно. Осмотрев проход, он повернулся к приближающимся к нему друзьям и, улыбаясь, помахал рукой.

Глава 3. Кожаная маска

«Нашёл подъем!» – обрадованно подумал Бэркэ, глядя на младшего из братьев. Толбочоон что-то радостно кричал, но из-за шума реки его слов не было слышно. Бэркэ и Бузагу, пригнувшись, на полусогнутых прошли под нависшим над тропой скальным уступом. Идя первым, Бэркэ выпрямился и, посмотрев вперёд, вдруг заметил, что улыбку на лице Толбочоона сменила гримаса ужаса: он что-то испуганно закричал им, указывая на нечто, находящееся сверху и сзади Бэркэ.

«Предчувствие сбылось! Началось!» —мелькнула молнией мысль, и сердце Бэркэ заколотилось от нахлынувшего адреналина.

Услышав за спиной шум осыпавшихся камней, он машинально схватился за нож и начал разворачиваться назад. От мощного удара, пришедшегося в ухо, его повело налево, и под тяжестью поняги он упал на гальку. Лицо больно ударилось о камни на берегу речки. В голове загудело, Бэркэ, пытаясь прийти в себя, сплюнул попавшую в рот мелкую гальку. Тяжелая поняга, сместившись вперёд, придавила затылок и лишила его обзора. Краем глаза он заметил мелькнувшие чужие ноги в темных онучах и ощутил, как кто-то навалился на него сверху. Ему заломили свободную руку за спину и начали накручивать на неё веревку. Полуоглохший, он подобрал ногу и, опираясь на камни, попытался освободиться, но безуспешно: вес поняги и сидевшего на нем нападавшего придавили его своей неподъемной тяжестью. Сквозь шум реки он услышал гортанные возгласы чужаков и отдаленный испуганный крик Толбочоона. В ухе все ещё звенело, прижатую к гальке правую сторону лица больно саднило, перед глазами вновь оказалась нога сидящего на нем врага. Бэркэ вдруг ощутил, что он все ещё держит в прижатой к земле левой руке рукоять ножа. Выгнув спину и подобрав живот, он сумел вытянуть его из ножен и первым делом перерезал ремень сковывавшей его тело тяжелой поняги. Извернувшись и сжав крепко нож, он наугад воткнул его в ногу врага. Послышался сдавленный крик, переходящий в ругательства. Бэркэ почувствовал некоторое ослабление захвата, уперся ногами в гальку и резко скинул с себя и раненого противника, и понягу. Быстро вскочив на ноги, он увидел, что лицо напавшего скрыто кожаной маской с прорезями для глаз и рта. Противник был невысок, худощав и... молод! – непонятно каким образом догадался Бэркэ. Раненый соперник, выхватив из-за пояса топорик, попытался вскочить. Ступив на повреждённую ногу, он зашипел от боли и качнулся, пытаясь удержать равновесие. Бэркэ перехватил его руку с топориком и сильным ударом ноги в челюсть отправил в неглубокое забытие. Выхватив оружие из рук обмякшего врага, Бэркэ крутанулся на месте и быстро оценил ситуацию: Бузагу, лежа на спине, пытался скинуть с себя наседавшего на него врага в такой же кожаной маске. Толбочоону повезло меньше: его соперник, сидя у него на спине, уже связал за спиной его руки и этой же веревкой спутывал ему ноги. Бэркэ дернулся было помочь Бузагу, но, обернувшись, остановился. Две фигуры в масках неспешно приближались к нему вдоль речки, со стороны, откуда они пришли.

«Пятеро... – Бэркэ просчитывал ситуацию. – Хотят взять живьём... Место для засады идеальное... Зря, ох, зря они пошли вдоль этой речки». Остановив хаотично мечущиеся мысли, он попробовал успокоиться и действовать хладнокровно. – Не торопись... Спокойней... Перехватив поудобнее топорик и нож, он быстро огляделся, высматривая площадку для предстоящего боя. Ещё раз бросил взгляд на друзей. Ничего... Хотят взять живьём... Шанс есть! Спокойней... Он двинулся назад и к реке. Новые враги приблизились и, не сговариваясь, разделились с целью окружить его.

«Дурак! Трижды дурак! Сам залез в петлю! Все знаки указывали на это, предостерегали! Дурак...» – виня себя, Бэркэ начал отступать перед приближающимися фигурами. Правая сторона лица, куда пришёлся удар, опухла, и Бэркэ тщетно пытался проморгаться – глаз уже начал заплывать. Наступающий на него первым темнлицый верзила с длинным копьём осторожно

подступал ближе, обходя Бэркэ по мелкой воде и стараясь прижать его к скалам. Второй – коренастый, с широкими плечами воин, переместился по-кошачьи вбок, к пришедшему в себя и пытающемуся встать раненому соплеменнику. Не спуская взгляда с Бэркэ, коренастый присел. Стараясь привести раненого в чувство, снял с того маску, обнажив бледное лицо молодого парня с причудливой татуировкой синего цвета.

«Джиркинэи? Шитолицые!» – Бэркэ по рисунку татуировки попытался определить принадлежность парня к местным племенам. Его поразили спокойствие и какая-то отстранённость и уверенность коренастого воина. Он вновь глянул на Бэркэ, склонив голову, словно оценивая его. Сидя на коленях над очнувшимся раненым и массируя его шею, шитолицый певучим голосом отдал копьеносцу приказ, смысл которого Бэркэ не разобрал. Копьеносец, резко прыгнув к Бэркэ, сделал попытку достать его копьем в голову. Увернувшись, тот отбил удар топориком и сам атаковал нападавшего, пытаясь полоснуть его ножом по горлу. Враг, отскочив, тут же крутанул копье над головой и по широкой дуге полоснул по выставленной вперед ноге Бэркэ. Острие копья вспороло обувь, но не поранило. Противники стали кружить друг за другом. Коренастый певучим голосом раздраженно и нетерпеливо вновь что-то бросил копьеносцу, но Бэркэ опять не разобрал слов.

«Главарь! Коренастый – это главарь!» – догадался Бэркэ, продолжая удивляться его спокойствию, и сам перешёл в атаку. Острие копья отступающего верзилы зазвенело от ударов ножа и топорика Бэркэ. Совершая обманные выпады, он почти достал своего противника. Атака завершилась раной на пропоротом плече копьеносца, из которой тут же выступила кровь. Порез был неглубокий, но раненый отступил. Сидевший главарь, мягко вскочив и быстро приблизившись к Бэркэ сбоку, заставил его отступить от своего соплеменника. Бэркэ, оказавшись между двумя противниками, занял выжидательную позицию. Одобрительно качая головой, главарь поцокал языком, оценив его действия. Крутанув пальмой в руке, он расслабленно опустил руки и начал сближаться с Бэркэ. Тот, догадавшись, что имеет дело с более опытным противником, выставил вперёд нож и топорик, начал отступать вверх по небольшой тропинке на склоне скалы. Правый глаз заплыл и почти не видел. Боясь оступиться, Бэркэ осторожно двигался назад, бросая мимолетные взгляды на скальную поверхность за спиной. Противники неспешно двигались за ним. Бэркэ, улучив момент, глянул вниз на речку. Связавший Толбочоона противник оставил его и спешил к шитолицему, который всё еще не мог одолеть сопротивлявшегося Бузагу. Бэркэ разглядел, что Бузагу свободной рукой схватил за горло сидящего на нем противника и душит его. «У него жилистые руки и крепкая хватка», – с надеждой подумал Бэркэ, вспомнив моменты, когда им в шутку доводилось бороться.

– Брось оружие, аташкан... – певучим голосом произнес приблизившийся главарь, указывая на Бэркэ пальмой. – Хватит сопротивляться. Иначе твои друзья умрут...

Бэркэ не ответил. Осторожно ступая между камнями, он продолжал пятиться вверх по склону. Он с тревогой заметил, что копьеносец и полностью очнувшийся молодой шитолицый начинают карабкаться по камням наверх, обходя его с двух сторон. Главарь шаг за шагом следовал за Бэркэ, с интересом наблюдая за ним.

– Сопротивляться бессмысленно. Это наша земля, и было ошибкой приходить сюда, дружок. Брось топорик, – почти ласково попросил главарь. Бэркэ разглядел через прорезь в маске, что тот улыбается.

– Я тебе не дружок! Прикажи освободить их, – пытаясь унять волнение в голосе ответил Бэркэ.

– Иначе что? Что ты сделаешь? – участливо спросил шитолицый, опасно приблизившись на расстояние броска.

– Иначе умрешь! – Бэркэ, понимая, что его оружие бессильно против боевой пальмы, все же прыгнул вперёд. Выставив вперёд руку и махнув для острастки ножом перед лицом главаря, попытался достать топориком его ногу. -На!

Мимо и далеко! Шитолицый – быстрый, как вода, ловко переместился вправо и, отбив топорик пальмой, тут же рубанул его сверху вниз. Бэркэ инстинктивно отпрыгнул, мимолетно удивившись быстроте противника, и тут же ощутил, как правый бок пронзила острая боль, заставившая его охнуть и изогнуться. Он сразу почувствовал, как распоротая на спине парка начала быстро пропитываться мокрым и горячим. Острая боль от нанесённой раны усилилась, мешая сосредоточиться. Он качнулся, но сумел выпрямиться и отпрыгнуть в сторону.

«Достал! Не смертельно, но достал!» – с отчаянием подумал Бэркэ, простонав и сжав зубы. Сосредоточенно пытаясь восстановить дыхание, он вновь начал отступать назад вверх по склону.

– Умру? Вот это вряд ли... – ровным голосом продолжил главарь, все также неотступно и мягко следуя за пятящимся от него Бэркэ.

Копьеносец и молодой шитолицый оказались по обе стороны от Бэркэ, и он заметил, что окончательно пришедший в себя молодой воин начинает разматывать в руках волосяной маут. Крутя головой и внимательно следя за всеми тремя противниками, Бэркэ, отступая, поскользнулся и чуть не упал. Едва успев обрести равновесие, он тут же в кувырке прыгнул в сторону копьеносца, уходя от летящей на него петли. Аркан смазал его по спине. Поняв, что промахнулся, хромающий на раненую ногу шитолицый отступил назад, сматывая маут для нового броска. Бэркэ быстро вскочил на ноги перед неловко шарахнувшимся от него копьеносцем, пригнулся от просвистевшего по широкой дуге наконечника копья. Отбил топориком следующий тычковый удар и, поднырнув, попытался достать ногу копьеносца ножом... Не дотянулся... в прыжке ушёл в сторону. Кувыркнувшись на камнях и вскочив на ноги, он повернувшись к противникам спиной, прыжками начал взбираться наверх. Преследователи широким охватом ринулись за ним. При каждом шаге кровотокающий бок жгло огнём, и Бэркэ с отчаянием чувствовал, что кровь стекает вниз по ноге, уже достигнув щиколотки. Преследователи начали отрезать его от леса. Оставляя на желтом скальнике бурые пятна крови, Бэркэ добежал до верха уступа и увидел перед собой небольшую площадку, за которой темнел обрыв. Изпод него доносился гул шумящей внизу реки. С двух сторон обрыва, отрезая путь к бегству, приближались копьеносец и молодой шитолицый с готовым для броска маутом. Прямо перед Бэркэ из-за камней неспешно появился их главарь. Враги не торопились, понимая, что беглецу некуда деваться нависшей над рекой площадки. В висках Бэркэ шумело, перед глазами летали светляки, он хватал ртом воздух и чувствовал легкое головокружение – давала о себе знать потеря крови. Правая штанина стала мокрой и липла к ноге, мешая движению.

– Зачем сопротивляться, ты же видишь, у тебя нет шансов... – начал было главарь, но его вдруг прервал копьеносец.

– Брат-аташкан! – хрипло крикнул он и указал рукой вниз, на реку. И Бэркэ, и его противники невольно посмотрели в том направлении. Там, внизу, у кромки реки Бузагу сумел освободиться от сидевшего на нем противника и сбросить его с себя. Оба вскочили, вновь схватились друг с другом. Бузагу, сбросив захват противника, стиснул его обеими руками, оторвал от земли и, крутанув в воздухе, с силой бросил на камни. В этот миг сзади к нему подошел шитолицый, связавший Толбочоона. Отчаянно махая пальмой, он заставил Бузагу отступить и вроде поранил его, но тот, увернувшись, схватился с ним вплотную. В ходе недолгой борьбы, пригнувшись, прошёл ему в ноги – и тоже, подняв в воздух, кинул за спину.

«Молодец! Настоящий борец!» – обрадовался Бэркэ.

Бузагу сильными пинками умерил пыл попытавшегося подняться шитолицего, отчего тот притих на камнях. Обернувшись, старший из братьев встретился взглядом со стоящим на краю скалы товарищем.

– Беги! Беги, Бэркэ! – донеслось снизу до слуха Бэркэ. Он увидел, что Бузагу повернулся и, хромя, побежал по краю берега к связанному младшему брату.

Бэркэ быстро огляделся: внизу шумела река, перед ним стояли три противника. Пути отступления не было. Главарь шитолицы, глядя на бегущего вдоль реки Бузагу, раздраженно бросил молодому шитолице:

– Когда вы, безголовые, научитесь делать всё вместе?! Сообща!

Молодой шитолицей виновато потупился. Главарь, провожая взглядом бегущего внизу Бузагу, не оборачиваясь, негромко скомандовал:

– Онгонча!

Копьеносец, быстро отступив от Бэркэ, подошёл к краю скалы. Перевернул в воздухе копьё остриём вниз, на секунду замер, прикидывая расстояние до бегущей цели. Удобнее схватившись за древко, он отвёл руку для броска, и, сделав два быстрых шага, крикнув, с силой метнул копьё вниз.

– Бузагу-у! – отчаянно крикнул со скалы Бэркэ, но тот продолжал бежать и не оглянулся. «Нет, не попадёт! Слишком далеко! Слишком...» – с надеждой подумал Бэркэ, следя за полетом взлетевшего в небо копья. Бузагу уже почти добежал до связанного брата, и хромая, замедлился. Прилетевшая с неба чёрная тонкая тень с силой впиалась ему в спину и повалила вперёд на землю. Неловко взмахнув руками, он упал.

– Бузагу-у! – отчаянно закричал, не веря своим глазам, Бэркэ. – Нет! Бузагу!

– Ты сам виноват в этом, атас... – раздался сзади певучий голос главаря. Бэркэ, обернувшись с перекошенным от ненависти лицом, с криком бросился на него. Шитолицей ловко отражал удары своей пальмой, уворачиваясь и совершая обманные финты. Кряхтя и одобрительно охая, словно насмехаясь над ним, он крутился вокруг Бэркэ. Силы иссякли, и атака захлебнулась. Перед глазами задыхающегося Бэркэ поплыли искорки, он почувствовал, что очень устал, движения его стали не такими быстрыми, и удары потеряли силу. С досадой он вспомнил, как в детстве отец говорил ему заниматься с оружием каждый день: «Чёрный лес полон опасностей, сын... Ты должен уметь постоять за себя и крепко держать оружие...» «Зачем? – думал тогда Бэркэ, – я не собираюсь ни с кем воевать...» Вот и итог: и друзей погубил, и себя не сберег!

– Ну хватит, пожалуй... Теперь моя очередь. А то это начинает мне надоедать... – напевно произнёс шитолицей и перешёл в атаку. Пальма его казалась вездесущей – она сверкала то с одной стороны, то с другой, изумляя Бэркэ и нарушая его равновесие. Отбивая череду ударов сверкающего над ним оружия противника, Бэркэ пропустил удар по ноге: клинок скользнул вдоль древка топорика, рассек ему бедро. Затем закровило вспоротое предплечье. Противник продолжал наседать – шаг и удар, удар и еще шаг. Шитолицей, пританцовывая, наступал, пальма вилась вокруг головы сияющим кругом, молнией выскакивая из него. Бэркэ, как мог, отбивал топориком удары, следовавшие настолько быстро, что он понял, что вот-вот пропустит основной удар...

– Он сильнее меня... Он просто играет со мной... – мелькнула паническая мысль.

Отчаявшись, Бэркэ с криком кинулся было на противника, но следующий удар, который он попытался отбить вверх, соскользнул и пришёлся сверху вниз прямо по его лицу. Страшная боль на мгновение ослепила его, заставив вскрикнуть. Выпустив из одной руки нож, он схватился за окровавленное лицо, пытаясь разглядеть своих противников сквозь заливающий глаза красный поток. Пятясь назад, он оступился и чуть не упал, едва сумев сохранить равновесие. Снизу до него донёсся крик Толбочоона. Бэркэ, шатаясь и продолжая отступать, оказался на самом краю обрыва. Внизу шумела река.

– Толбочоон! – собравшись с силами, крикнул Бэркэ и, повернувшись, неловко прыгнул вниз.

За спиной раздалась запоздалые возгласы преследователей.

«Хоть бы было глубоко!» – мелькнуло в голове. Пролетев несколько метров, он с шумом упал в реку; от удара о её поверхность вышибло дыхание, и он заглотнул воды. Изо всех сил

работая руками и ногами, он потянулся вверх и, наконец вынырнув, жадно вдохнул воздух. Течение несло его дальше, он вдруг ощутил тупой удар ниже лопатки. Дернувшись от боли и неожиданности, вновь заглотнул воды. Стрела! Тупая боль в груди не дала ему полностью вдохнуть воздуха. Неловко барахтаясь, запрокидывая к небу кровоточащее лицо, он едва держался на плаву. Руки и ноги стали ватными, движения обессиленного тела замедлились. В этот момент он заметил, что течение несет его мимо лежащего на берегу связанного Толбочоона. Рядом, с копьём в спине, неподвижно лежал Бузагу. В этот миг он успел разглядеть заплаканное лицо в отчаянии смотрящего на него Толбочоона. По его шевелящимся губам, он понял, что тот зовёт его. Захлебываясь, Бэркэ попытался подгрести к другу, но тщетно – течение уносило его.

– Толбочоон! Толбочоон!... – пытался он крикнуть ему в ответ, но не смог.

Силы начали оставлять его, он понял, что тонет. Река уносило его дальше, и вскоре друзья скрылись за поворотом. Бэркэ обожгла мучительная мысль: «Это я виноват! Я виноват! Они погибли из-за меня...» Его слабеющее тело на очередном пороге перевернуло на спину. «Я тону. Это конец... Ну и пусть. Я виноват. Я заслужил это».

Глава 4. В поисках земли

Отшумела весна, успокоились после таяния снегов многочисленные реки. Стоял летний месяц сосны, и полуденное солнце, то и дело выглядывая из-за немногочисленных облаков, пригревало одетую в зелёный наряд бескрайнюю тайгу. Легкий ветерок качал верхушки деревьев, под которыми по узкой лесной тропе двигался караван из навьюченных лошадей и запряженных низкорослыми быками и круторогими коровами повозок. Предводитель каравана – Октай из рода саха, спасаясь от притеснений, чинимых предводителем хангалассцев, грозным Тыгыном Дарханом, покинул обжитые места у Великой реки и двигался на запад в поисках новой земли. Его жена давно умерла, с ним странствовали его единственная дочь и немногочисленные работники со своими семьями. Дочь Октая, красивая белолицая Айыына, с большими умными глазами, нежным овалом лица, чистым, высоким лбом и слегка выдающимся вперед подбородком, ехала в запряженной быками повозке и с грустью взирала на проплывающий мимо пейзаж. На ее глаза то и дело наворачивались слезы: за недолгую жизнь ей пришлось пережить смерть матери, а теперь ещё и это бегство из обжитых мест – в никуда, в незнакомый и опасный лес, населенный враждебными племенами. Прочь от друзей детства, от сделавшего ей этой зимой предложение жениха. Октай, ехавший неподалеку, увидев состояние дочери, ускорил саврасую кобылу и поравнялся с возком. Тяжело вздохнул, не зная, как начать разговор.

– Ну что ты, доченька моя... Не надо плакать. Это первое время тяжело, потом все изменится, вот увидишь. Все будет хорошо, – в очередной раз попытался успокоить любимую дочь Октай.

– Я очень скучаю по нашему дому, по прежней жизни, отец. Может, вернуться, прошу тебя... – подавшись чувствам, с надеждой произнесла она и, поняв, что сглупила, внезапно замолчала.

Октай опустил голову и ничего не ответил. Некоторое время они ехали молча. Айыына жалела о мимолетной слабости, ей стало неловко. Умом она понимала, что обратно уже не вернуться и что этими словами она только расстроила отца, и без того переживающего за этот поход. Вот уже несколько недель они в пути, а всё ещё не могут найти новое место с пастбищами, пригодными для разведения скота. А сколько опасности представляют местные племена?

– Ничего, доченька. Я понимаю, тебе сейчас нелегко. Но ты сама знаешь: обратной дороги нам нет, – осторожно подбирая слова, начал Октай. – Глава хангалассцев Тыгын не даст нам спокойной жизни в долине. Он изведёт нас, как и многих других... Его жадность и жажда власти не знают предела. Мы не можем вернуться, дочь. Пролитое потеряно, ушедшее – ушло. Прости меня, что я обрёл тебя на эти скитания, – с грустью продолжил он.

Айыына, устыдившись своего поведения, вытерла слезы и попыталась ободряюще улыбнуться:

– Это ты прости меня, отец. Опять я расклеилась и говорю ерунду.

– Ты крепкая и умная, доченька моя. Все будет хорошо. Найдём богатые луга и заживем свободными людьми! А сейчас нам надо собраться с духом и терпеть. Помогать друг другу в пути.

– Да отец, я понимаю. Прости меня за глупые слова. Я просто очень скучаю по своим подружкам, по Долгоону. Как я буду жить без них?

Октай с грустью вспомнил Долгоона – друга детства Айыыны, упитанного и неловкого парня, который незадолго до их отъезда сделал ей предложение. Их семьи дружили давно: Октай и отец Долгоона помогали друг другу и не раз говорили о том, чтобы породниться. И даже в этот поход они собирались отправиться вместе, двумя семьями, но потом отец Долго-

она передумал, опасаясь гнева жестокого повелителя долины Туймаада, грозного Тыгына Дархана. Октаю стало неловко перед дочерью: по его воле она осталась без жениха, пусть и не такого идеального, как хотелось бы ему. Долгоон был ленив, спесив и любил вкусно поесть, но они с Айыыной дружили с детства, и Октай не был против этого брака, лишь бы дочь была счастлива.

Они вновь замолчали. Октай невесело оглядел идущих рядом домочадцев. Их жизнь теперь зависела от него, от его решений и поступков. Сомнения и тревога опять овладели им: правильно ли он поступил, покинув обжитые места? Что ждёт их впереди? Пропадут ли они все без вести в этом бескрайнем море чёрной тайги, или их ждёт успешная и богатая жизнь? Может, действительно повернуть обратно? Склонить голову перед всевластным владыкой Туймаады, пасть ему в ноги и просить милости? Ведь терпят же многие роды и племена его сильную руку... Неужели гордыня затмила его, Октаю, разум, и он делает большую ошибку, не осознавая её? Может, Тыгын Дархан ниспослан им с небес, волею Айыы? И они, смертные, должны поклоняться ему как посланнику неба? От этих мыслей Октай переменявшись в лице, стиснув зубы, зажмурился. Неужели он совершил ошибку? Там, у Великой реки, они с отцом Долгоона вечерами со все нарастающим интересом слушали рассказы Сюрюка Балдбайы, исходившего эти места... Рассказы о том, что Богатый Виллой, или, как его еще называют – Жирный Виллой, полон пустых пастбищ с нетронутой нивой богатых лугов и непуганой живности. И что эта земля только и ждёт удачливых странников... И вот они в пути... Найдут ли они свое счастье или пропадут, как пущенная вдаль костяная стрела? Словно очнувшись, Октай украдкой оглядел идущих рядом домочадцев и дочь. Никто не заметил, с облегчением подумал он. Айыына, все же успевшая заметить потемневшее от раздумий лицо отца, решила переменить тему разговора.

– Будь с нами мама, было бы куда веселей, – сказала она и улыбнулась. – Сейчас бы она прикрикнула на нас: «Эй, о чем это вы там шепчетесь, бездельники? Ну-ка за работу!»

– Да, именно так она и сказала бы, – тихо рассмеялся Октай.

– Она была такой смелой, не то, что я, плакса! – нахмурившись, сказала Айыына. Она вспомнила улыбку матери, и как та успокаивала ее в детстве. Вот была бы она сейчас здесь. Как бы она поддержала ее, улыбнулась ей. Девушке так хотелось этого – больше всего на свете. Их веселые переезды в летнее становище – сайылык – это были самые волшебные дни в ее жизни, но теперь ей казалось, что все это происходило в другом столетии. – Я выйду замуж за Долгоона, и у нас будет много детей. – Она говорила это девочкой, еще в той жизни, такая радостная и невинная в своих мечтаниях. Айыына улыбнулась, но ей стало грустно. Сейчас все было по другому.

– Это не так, дочь. Ты ошибаешься. Ты такая же смелая, вся в маму. В тебе течёт сильная кровь племени тонг-биисов... Мне не хватает её, твоей матери... Надеюсь, она сейчас смотрит на нас с небес и... Как всегда, журит нас: «О, глупые олени, куда вы подались?!»

Октай и Айыына грустно рассмеялись.

– Ты помнишь, как мы оказались в ледяной воде реки и выбрались на берег? Помнишь себя? Ты была тогда такой маленькой, а вела себя очень хладнокровно. Ты всегда была храброй, я горжусь тобой, дочь!

Айыына помнила тот случай: это было весной, повозка провалилась в воду и ее понесло по течению. Они с отцом чудом ухватились за проплывавший мимо ствол дерева и держались за него. Течение несло их по небольшой речке, впадавшей в Великую, ещё немного, и их бы выбросило на стремнину. Надо было оторваться от дерева и доплыть до берега. В ледяной, пробирающей до мозга костей воде, они продержались бы недолго. Она вспомнила слова отца: «Мы должны отпустить это дерево и доплыть до берега, дочка! Я знаю, тебе страшно. Ты просто дыши, как я. Открой широко рот, делай глубокий вдох, затем выдох. И тогда твой страх уйдёт. Повторяй за мной! Вдох-выдох... Вдох-выдох...»

Глава 5. Мертвец в воде

Аккуратно ступая по мокрым камням и потряхивая ветвистыми рогами в попытке спастись от докучливой мошкары, по берегу горной речки двигался верховой олень. Сидящий на нем худой старик спал неглубоким сном. Он уронил на грудь голову с клоками длинных поседевших волос, и она покачивалась на худой шее в такт шагам осторожно ступающего оленя. Жидкий утренний туман клубился над поверхностью воды, обещая благоприятный день. Внезапно учаг остановился и, с шумом раздувая ноздри, принялся втягивать в себя прохладный воздух горной реки – учуял запах чужого человека и крови. Задремавший на олене старик очнулся и, шурясь, огляделся вокруг, пытаясь понять причину остановки. Идущий на привязи второй олень был на месте и покорно ждал продолжения пути.

– Бай! Что встал? – старик несильно ударил своего учага пятками по бокам, но тот, сделав несколько шагов, опять остановился, и идущий сзади на привязи второй олень чуть не натолкнулся на него, недовольно фыркнув. – Ой-е... – старик окончательно проснулся, разглядев впереди лежащего среди камней человека, тело которого наполовину находилось в воде. – Совсем старый стал, не вижу, что под носом творится...

Придвинув поближе висевший за спиной лук, он замер и некоторое время внимательно оглядывал нависшие над ним серые скалы. Удостоверившись, что никакая опасность ему не грозит, старик осторожно подъехал к телу. Человек без движения лежал на животе, лицом на камнях, ноги же его были полностью в воде. Быстрое течение речки прибило к телу мусор из мелких веток и листвы.

«Мертвец», – подумал старик, разглядывая торчащую в спине лежащего стрелу и длинный порез на боку. На затылке также виднелась рваная рана с запекшейся кровью, над которой закружились встревоженные мухи. Старик осторожно ткнул человека посохом, затем поняв, что сделал это недостаточно сильно, ударил покрепче – тело не шелохнулось.

«Мертвец», – ещё раз подытожил старик, выпрямился и, бодро понукая оленя, тронулся мимо лежащего в воде тела. Майат? Тонг-биис? Тумат? Разглядывая одежду, старик попытался угадать, к какому племени принадлежит убитый. У кого был такой узор?... Хотя какая разница! Эти племена воюют друг с другом с тех пор, как он помнит себя. Зачем, спрашивается? Тайга большая, места хватило бы всем. Это всё людская жадность. Человек не может жить спокойно. Всё ему мало. «Пусть хоть вовсе поубивают друг друга, это не моя забота», – зло подумал старик и хотел было ускорить шаг оленя, но вдруг устыдился. За свои годы, он успел повидать много плохих людей и мало хороших. Жизнь-учитель, не терпящий ошибок. Она научила его держаться подальше от первых и не ожидать многого от вторых.

– Вот каким я стал... – Учаг, взбодренный пятками старика, едва тронувшись, послушно замер, получив команду остановиться.

Да простят его, старого дурака, духи среднего мира – дулу... Закон тайги не писан, но нерушим. Он гласит, что мы должны помогать попавшим в беду: сильный – слабому, здоровый – больному. Нарушивших правило постигнет наказание. Духи всегда помогали старику, но вдруг, увидев его поступок, они отвернутся? Надо убедиться, что этому человеку ничем уже не помочь... И тогда его совесть будет чиста.

Неловко, на негнущихся ногах спрыгнув с оленя, старик, кряхтя и охая, разогнул затёкшую спину и, немного постояв, склонился над лежащим перед ним телом.

– Хоть бы был мертв... Возиться ещё с ним...

Опустившись на четвереньки и стараясь не угодить коленями в воду, старик приложил ухо к спине лежащего и, открыв рот, внимательно прислушался. Сердце найденного им человека медленно и гулко билось в груди.

– Эх, не было хлопот, – тяжело вздохнул старик. Надавив коленом на спину раненого и схватившись за древко торчавшей стрелы, он медленно потянул её: к его удивлению, она легко и быстро вышла. Глянув на костяной наконечник, отбросил стрелу в сторону. – Попала в ребро, поэтому вошла неглубоко. Повезло... Теперь возись с ним. Воюют друг с другом, грабят друг друга... Даже умереть по-человечески не могут...

Схватив лежащего за плечи, он осторожно перевернул его на спину. Раненый издал глухой стон, но не пришёл в себя. Старик замер. Увиденное привело его в замешательство. Опустив безвольное тело, он устало сел на камни. Некоторое время, не шевелясь, в охвативших его раздумьях рассматривал лицо лежащего перед ним молодого парня. «Молодой. Совсем молодой. И с таким ужасным лицом... Да лучше умереть, чем остаться таким. Я бы хотел жить с таким лицом? Страшная рана... Какая девушка согласится жить с таким?»

Старик с досадой оглядел окружающие его скалы и лес, словно ища подсказки, что же делать дальше. Длинный порез, оголивший красное мясо, тянулся от верхней части лба наискосок до самого подбородка. Глаз, к счастью был не задет. «Наверное, успел зажмуриться», – догадался старик. Рывком погрузив тело на второго оленя, он крепко закрепил его ремнями. Тяжело взобрался на своего учага, и маленький караван вновь тронулся в путь.

– Неудачно начался день. За что мне это? Опять надо искать место для лагеря. И первым делом зашить ему лицо... – ругаясь на себя и на этот мир, старик с оленями вскоре скрылся за скалами.

Плавно покругившись в воздухе, сверкая в лучах встающего солнца иссиня-черными крыльями, с вершины скал на каменистый берег мягко приземлился ворон. Наклонив голову и моргая умными глазами, он прыжками приблизился к красному пятну на мокрых камнях.

Глава 6. Хонгу

Через несколько дней пути караван наткнулся на небольшую долину с пригодными для скота пастбищами. Из леса показались люди, и, поговорив с ними, Октай с горечью узнал, что эта земля занята такими же, как он, переселенцами из племени хоро. Попрощавшись, грустный Октай и его домочадцы продолжили путь. Во второй половине дня набежали тучи, и полил дождь. Октай решил остановиться и подождать сухую погоду. Уставшие путники разбили лагерь и разожгли костры. На следующий день тучи начали рассеиваться, выглянуло солнце, разноцветная радуга широким коромыслом заняла полнеба. Октай со своим помощником Лючю, увидев невдалеке озеро, решили поохотиться на уток. Насторожив стрелы, они шли по краю озера, густо поросшего камышами. Шумно хлопая крыльями и крикая, из зарослей вылетали потревоженные разномастные утки. Через некоторое время охотники настреляли с дюжину птиц. Догола раздевшись, вплавь собрали упавшую в воду добычу. Когда они уже собрались было идти, прямо над ними пролетел селезень. Октай, схватив лук, выпустил стрелу и... промахнулся. Выстрелил и Лючю, но и его стрела не попала в цель. Испуганной утке уже ничего не грозило, и она, облетев озеро, начала садиться на его дальний край. Снизившись, она вдруг замертво упала в кусты, пораженная чьей-то стрелой. Два охотника, присев, встревожено зашептались. Кто этот меткий стрелок? Враг или друг? Ясно, что он наблюдал за ними все то время, что они охотились. Некоторое время они выжидали, но невидимый стрелок, как и они сами, не спешил показываться на глаза. Октай и Лючю, посоветовавшись, осторожно выехали на лошадях на открытое место и неспешно двинулись на дальний край озера. Держа луки наготове, они проехали половину расстояния.

Вскоре из камышей верхом на олене появился незнакомый молодой охотник, судя по одеянию – из местных племён. Его татуированное лицо излучало уверенность и добродушие. Он с достоинством поклонился Октаю и поздоровался с ними на языке саха. Через несколько минут они уже ехали бок о бок, мирно беседуя. Выяснилось, что молодого охотника зовут Хонгу. Октай пригласил его на ужин в лагерь, собираясь расспросить о свободных землях. За ужином молодой охотник рассказал, что нынче много людей из народа саха бродит в поисках свободной земли. Когда-то здесь осели племена майат, но и они покинули эти места. Слушая рассказ Хонгу, Айыына с любопытством следила за ним – уверенным в себе, широким в плечах молодым охотником. Хонгу и сам периодически поглядывал на Айыыну с непонятным ей интересом. Вскоре, закончив ужинать и поблагодарив радушных хозяев, Хонгу попрощался с Октаем, отдав ему своих уток. Вскочив на оленя, он добавил:

– В двух днях пути отсюда, у большого озера, живет старик-рыбак. Может, он что подскажет... Не помню его имени, но много людей путешествуют в тех местах, где он живёт, и он может знать о свободных землях. Расспросите его.

Ловко оседлав оленя, молодой охотник обернулся и весело крикнул Айыыне:

–Удачи! Ещё увидимся, красавица!

Глава 7. Эчинэй

В тёплом и просторном холомо на огне варилась вкусная похлебка. Как и говорил Хонгу, спустя день путешествия, Октай и его люди вышли к большому озеру. Увидев дымок на его берегу, путники быстро нашли нехитрое строение с небольшим загонем, в котором при виде незнакомцев заматались несколько домашних оленей. Вскоре Октай вместе с близкими был приглашен к столу хозяином — Эчинэем. Это был довольно крепкий на вид, почти лысый старик с желто-смуглым, изрезанным морщинами лицом. Один глаз его был больше другого, что придавало ему какое-то насмешливое выражение. В его изменчивом взгляде, в улыбке, как будто напряженной, и в голосе было что-то порывистое и торопливое. Передвигался он на удивление ловко и быстро, несмотря на то, что одна нога его заканчивалась культей, насаженной на деревянный колышек. Мужчины, распивая перебродивший молочный напиток, который выставил на стол Октай, были веселы и вели оживленный разговор.

– Давно я не пил кумыс, уже и позабыл его вкус! До чего он хорош, Октай. А ведь когда-то и я жил в долине Туймаада. Давно это было... – Эчинэй, задумавшись, уставился зашмыгавшим взором в одну точку, а после, очнувшись, продолжил: – Я так давно оставил те земли, что сам себе не верю – а было ли это вообще? Вы ищете свободные пастбища? Я так же, как и вы, искал их в свое время. Давно, давно это было... Есть здесь одно место. Когда-то там обитали племена майат, но они покинули их, откочевали с оленями на север. Что им? Сегодня здесь, завтра там... Куда олени, туда и они... Да, да, припоминаю я одно место... Там богатые пастбища. Ваш скот не останется голодным. Эта местность в нескольких днях пути отсюда.

– О небо, Айыы Танара, услышь мои молитвы! Я буду в неоплатном долгу перед тобой, Эчинэй, – взволнованно произнес Октай.

– Да брось, Октай! Мы, люди срединного мира, должны помогать друг другу, какого бы племени мы ни были! Эта земля сейчас свободна, я думаю. Прошлой осенью я был там проездом, но никого не видел.

– Хоть бы духи были благосклонны к нам, и эта земля была ничьей! Мои люди очень устали в пути. Лето коротко, а нам надо ещё заготовить корм для скота и обустроиться. Боюсь представить, что с нами будет, если мы не найдём пастбища до осени. Зиму мы не переживем...

– Не волнуйся, друг! Тайга большая, неужели не найдётся клочка земли для тебя и твоих людей? Не беспокойся. Я сам с вами поеду и покажу это место, – успокоил его Эчинэй, смотря осолопевшими глазами.

– Ты нас очень выручишь, Эчинэй! Я не забуду этого.

– Красивая дочка у тебя, Октай, – заметил Эчинэй. – Наверное, нет отбоя от женихов?

– Были женихи, – не зная, как продолжить разговор, неуверенно сказал Эчинэй, покосившись на сразу погрузневшую Айыыну. – Да остались у Великой реки...

– Э-э... Не беспокойся, на такую красавицу и здесь отбоя не будет! Здесь тоже бывают хосууны-удальцы! И у обосновавшихся здесь пришлых саха женихи найдутся!

Опьянев от кумыса, старики ещё долго беседовали, вспоминая свою молодость и былую жизнь. Утром, едва рассвело, они отправились в путь. Через два дня к вечеру они достигли намеченного места, и перед уставшими путниками открылась чудная долина: в лучах заходящего солнца она светилась красным, колыхавшимся под ветром лугом. Не скрывая восхищения, Октай, Айыына, Лючю и остальные домочадцы смотрели на эту красоту... Им оставалось только провести обряд ойдуо, чтобы окончательно убедиться в том, что земля свободна.

– Ойдуо! Ойдуо! Люди, мы пришли! Если вы есть, отзовитесь! Если вас нет, значит, это наша земля! Ойдуо! Ойдуо! Ойдуо! – Октай на правах старшего кричал, сложив руки рупором и поворачиваясь во все стороны. Лючю, размахивая в руках длинной сухой веткой, с силой бил ею по другому сухому дереву, отчего по округе разносились гулкие удары.

Стояла тихая безветренная погода, солнце скрылось за верхушками деревьев, и переселенцы, не шевелясь, до звона в ушах слушали наступившую тишину. Никто не показался и не вышел из леса, никто не предъявил свои права на эту землю. Октай и его спутники весело переглянулись и крепко обнялись – теперь это была их земля. Эчинэй, отпраздновав это событие с новыми поселенцами, на следующий день отбыл к себе, обещая провести их поздней осенью. Октай долго не отпускал его, выражая свою благодарность.

Все последующие недели переселенцы были заняты постройкой жилья, изгороди для домашнего скота и сенокосом. Дни пролетали быстро, а в конце месяца сенокоса неожиданно приехал Хонгу: он подарил Октаю выделанные олени и лосиные шкуры, Айыыне же – красивое ожерелье из кости водяного быка. Так он приезжал потом несколько раз, одаривая Октая и домочадцев различными подношениями. Каждый раз Хонгу и Айыына переглядывались и изредка перекидывались словом. Айыына каждый раз отмечала, как пристально и внимательно смотрит на нее молодой охотник. Октай очень сблизился с Хонгу и заметил заинтересованность, возникшую между молодыми людьми. Работы было много, Октай и его люди до позднего вечера были заняты подготовкой к зиме, и у него не находилось свободного времени пообщаться с дочерью. Но он не раз замечал по лицу Айыыны, что ей все так же тягостно и скучно одной, без сверстников.

– Тебе нравится Хонгу? – однажды зимним вечером, сидя за ужином и немного перебрав с забродившим кумысом, спросил Октай Айыыну. – Я вижу, он приезжает только ради тебя.

– Какой ты внимательный, отец, – Айыына смущенно улыбнулась. Она и сама замечала это, ей было приятно внимание молодого охотника. В то же время она замечала за ним какую-то скрытность и настороженность, тщательно скрываемую за показной беззаботностью и легкомысленностью. Иногда она видела, как в нем проскальзывали жесткость и непримиримость, которые пугали её, но затем они сменялись добродушием и наивностью. В силу молодости и незнания повадок людей Айыына объясняла себе это особенностями характера живущих здесь племён и тем, что Хонгу не умеет общаться с противоположным полом. Ей нравились в нем скрытая сила, ловкость и уверенность, присущие скорее зрелым мужам, не свойственные молодому возрасту.

Зима прошла, а за ней и долгожданная весна. За это время никто не потревожил Октая и его людей. Жившие в первые месяцы в тревоге и в ожидании появления местных племён, поселенцы через год расслабились и успокоились. В конце лета, в один из вечеров, Октай заговорил с Айыыной:

– Хонгу приезжал. Он приглашает тебя погостить в своем стойбище. Я вижу, дочка, тебе скучно здесь без молодежи. Он сказал, что люди его племени перекочевали на летнюю стоянку поблизости, совсем недалеко от этих мест. Что скажешь? Язык их ты знаешь, мать научила тебя. Хонгу мне нравится. Познакомишься с новыми людьми, а, может быть, и с новыми родственниками? – хитро прищурившись, спросил он. Айыына смущенно промолчала, но все последующие дни думала об этом предложении.

Глава 8. Бэркэ

Бэркэ, находясь в полусне, простонал, на миг открыл глаза и вновь провалился в тьму. В это мгновение его мозг ухватил увиденную картину, и Бэркэ догадался, что находится в юрте. Что-то мешало ему, дыхание было хриплым и неровным. Бэркэ ощутил, как горит его лицо. Весь правый бок болел, и грудь словно пронзало всякий раз, когда он пытался вздохнуть. Что со мной стряслось? Нападение воинов в масках представлялось ему полусном. Главарь шитолицых... воспоминание о нем пугало Бэркэ. Смех врага звучал у него в голове и от этого бросало в дрожь.

Когда Бэркэ очнулся снова, было темно. Сначала он ничего не видел, но потом вокруг возникли смутные очертания крохотной юрты. Память частично вернулась, и обрывки воспоминаний захлестнули его, как холодная вода спящего человека. Сердце заколотилось, он вспомнил не всё, что приключилось с ним, но тяжелое чувство беды, случившейся с его друзьями, охватило его душу чёрным удушливым мраком.

Бэркэ попытался вскочить, но боль охватила его, стиснув, как кулак гиганта. Дыхание оставило его, он сумел только охнуть и повалился обратно на оленьи шкуры. Еле восстановив дыхание, весь в поту, Бэркэ вновь впал в забытие.

Под утро он пришел в себя от прикосновения холодного воздуха: в жилище вошел худой старик – он был незнаком Бэркэ и поначалу испугал его своим появлением. Чиркнув кресалом и не обращая внимания на парня, тот молча разжег очаг. При свете костра Бэркэ, стараясь не выдавать своего волнения, разглядел пришедшего. Старик был уже на склоне своих дней, и его седые космы местами совсем побелели. Плоский нос и рот углами вниз делали его лицо суровым. Правда, вскоре стало ясно, что он не опасен. Подогнув колени, старик сел напротив и успокоив Бэркэ жестом, тихим и сипловатым голосом попытался уговорить парня лечь обратно на шкуры. Бэркэ попытался подняться. От усилия у него помутилось в глазах, и стены юрты завертелись колесом. Он простонал и зажмурился. Из-за резкого движения рана на боку, умело зашитая стариком, воспалилась. Откинувшись, он обнаружил, что и лицо его частично обмотано тряпками и сильно саднит. Бэркэ вспомнил последние мгновения жизни Бузагу, плачущего Толбочоона и кожаные маски нападавших. Его затрясло, как в лихорадке, и он снова с криком попытался вскочить, оттолкнув старика.

– Кто ты? – В горле немилосердно саднило, и Бэркэ скрючился в приступе кашля. – Аа... – просипел он. Собственный голос показался ему слабым и хриплым, и стены юрты вновь поплыли перед глазами. Старик хотел помочь ему, но парень махнул рукой и вскоре оправился.

– Пусти! Я убью их! Я найду их, отпусти меня, старик! Нет! Нет!

– Успокойся! Ты не в себе! Ложись! – старик попытался снова уложить его на шкуры.

– Нет! Отпусти! Пожалуйста, отпусти!

– Успокойся парень, ты слишком слаб! Успокойся! О духи, вразумите его!

– Нет! Все равно! Я найду их и убью! Отпусти меня, старик!

Бэркэ, вскочив на ноги и оттолкнув старика, качаясь от слабости, направился к выходу, но сознание его помутилось, и, потеряв равновесие, он упал. Пол тордоха качался перед его глазами, но он, рыча от накалившей боли и от осознания своей слабости, упорно полз к выходу на четвереньках.

На улице его ослепил дневной свет, и он, зажмурившись, замер. Хотел встать, но упал. Рыча от боли, попытался вновь подняться. Старик, подскочив, рывком поднял его и развернул к себе, строго посмотрел ему в глаза и выпалил:

– Хочешь отомстить?! Ладно! Давай! Возьми оружие! – старик, выхватив откуда-то топорик, протянул его Бэркэ. – Держи! Ну!

Бэркэ неловко схватил протянутое ему оружие, шумно дыша и глядя на старика полными отчаяния глазами. Он почувствовал, что с лица сползла повязка, и сдернул её, обнажив уродливый шов. Его качнуло в сторону, но он удержался на ногах.

– Держи оружие крепко! – бросил ему старик, и Бэркэ вытянул перед собой топорик в дрожащей руке. Схватив приткнутый к стене юрты шест, старик с силой ударил им по топорiku в руке Бэркэ. Раздался глухой удар: топорик отлетел в сторону, а Бэркэ, не удержав равновесие, неловко упал на пол, больно ударившись спиной.

– Ну? Даже меня не можешь одолеть! – громко сказал старик, осуждающе глядя на поверженного парня.

Бэркэ, стиснув зубы и зажмурившись, несколько секунд лежал, пытаюсь отдышаться, затем попробовал резко перевернуться и вскочить, но тут же упал на колени, елозя лбом по земле. Застонал от боли и замер. Его стон захлебнулся и перешёл в какой-то клёкот, плечи мелко затряслись, как будто он сейчас засмеётся, а всхлипы перешли в тихое рыдание. Он обхватил своё изуродованное лицо обеими ладонями и, дрожа, лежал перед стоящим над ним стариком. Тот подхватив его и занёс обратно в тордох.

– Я должен... Как же я отомщу? Я должен отомстить... Почему? Почему я не умер тогда? Это моя вина... – эти слова Бэркэ, прерываемые плачем, тихо звучали в ставшем тесным тордохе. Он почувствовал, как руки старика опустились ему на плечи и крепко сжали их, пытаюсь унять дрожь. – Как же... Как же мне отомстить им? Как мне вернуть моих друзей? Я виноват... Я... – Бэркэ поднял голову и посмотрел на старика глазами, полными страдания, боли и немой мольбы, будто старик мог обратить время вспять и вернуть ему друзей. Слезы текли по его изуродованному лицу, исказившемуся от душевных переживаний. Не выдержав взгляда Бэркэ, старик отвернулся, не зная, какими словами можно утешить человека в таком состоянии. Некоторое время они так и стояли, не говоря ни слова: смотрящий куда-то невидящим взглядом, задумавшийся о своем старик и опустивший голову Бэркэ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.